

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-307-319>

Шифр научной специальности 5.9.1

Осмысление литературной среды Берлина и Праги в стихотворении М.И. Цветаевой «Луна – лунатику»: субъектно-образный план

Алла Алексеевна Шатовкина

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 stary_cherdak@inbox.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Стихотворение «Луна – лунатику» рассматривается в контексте историко-литературного феномена Русского зарубежья и художественной самоидентификации М.И. Цветаевой периода эмиграции. Цель исследования – в мотивах жизненной и творческой обособленности обнаружить признаки идеологических расхождений русскоязычных лириков-эмигрантов. Актуальность обусловлена возникновением культурно-исторического конфликта литератур метрополии и зарубежья и отношением к нему М.И. Цветаевой. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** К рассмотрению стихотворения привлекаются дополнительные историко-биографические и литературные источники: дневниковые записи разных лет, эпистолярная переписка поэта, в том числе с Б.Л. Пастернаком, статья «Световой ливень». Комплексный анализ основывается на контекстном, сравнительно-сопоставительном, мотивном, семиотическом и семантико-стилистическом методах. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Реконструкция исторических реалий способствует выявлению предпосылок к созданию стихотворения. Композиционное, мотивно-образное своеобразие сюжетной динамики и особенности его субъектно-образного плана свидетельствуют о расхождении художественных принципов поэтов-эмигрантов и М.И. Цветаевой, утверждающей существование единой литературы в масштабах России и Запада. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Работа демонстрирует выход поэта за рамки узкого представления о национальной идентичности. Субъектно-образный план стихотворения, заявленный заголовочным эллипсисом, способствует возникновению синкретической связи автора и героя, масштабируя и объединяя процесс творчества. Перспективы исследования касаются изучения литературы Русского зарубежья в целом и творчества М.И. Цветаевой в частности, поскольку интерпретация эмиграционной лирики поэта вызывает существенные затруднения.

Ключевые слова: Русское зарубежье, М.И. Цветаева, книга «После России», Стихотворение «Луна – лунатику», субъектно-образный план, разногласия в русскоязычной литературной среде, интерпретация эмиграционной лирики

Благодарности. Автор выражает благодарность доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина Наталии Юрьевне Желтовой за участие в постановке проблемы исследования и научное руководство.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.А. Шатовкина – концепция исследования, разработка методологии, анализ и обработка материала, проведение исследования, формулировка выводов исследования, написание черновика рукописи, доработка рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шатовкина А.А. Осмысление литературной среды Берлина и Праги в стихотворении М.И. Цветаевой «Луна – лунатику»: субъектно-образный план // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 307-319. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-307-319>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-307-319>

OECD 6.02; ASJC 1203

Comprehension of the literary environment of Berlin and Prague in M.I. Tsvetaeva's poem "The Moon to a Sleepwalker": subject-image plan

Alla A. Shatovkina

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 stary_cherdak@inbox.ru

Abstract

INTRODUCTION: The poem "The Moon to a Sleepwalker" is considered in the context of the historical and literary phenomenon of the Russian diaspora abroad and the artistic self-identification of M.I. Tsvetaeva during the emigration period. The purpose of the study is to discover signs of ideological differences among Russian-speaking emigrant lyricists in the motives of life and creative isolation. The relevance is due to the emergence of a cultural and historical conflict in the literature of the metropolis and abroad and M.I. Tsvetaeva's attitude towards it. **MATERIALS AND METHODS.** Additional historical, biographical and literary sources are involved in the consideration of the poem: diary entries from different years, epistolary correspondence of the poet, including with B.L. Pasternak, the article "Downpour of Light". The comprehensive analysis is based on contextual, comparative, motivic, semiotic, and semantic-stylistic methods. **RESULTS AND DISCUSSION.** The reconstruction of historical realities helps to identify the prerequisites for the creation of a poem. The compositional, motif-figurative originality of the plot dynamics and the peculiarities of its subject-image plan indicate the divergence of the artistic principles of the emigrant poets and M.I. Tsvetaeva, who asserts the existence of a unified literature on the scale of Russia and the West. **CONCLUSION.** The work demonstrates the poet's going beyond the narrow concept of national identity. The subject-image plan of the poem, stated by the title ellipsis, contributes to the emergence of a syncretic connection between the author and the character, scaling and unifying the creative process. The prospects of the research relate to the study of literature of the Russian diaspora abroad in general and the work of M.I. Tsvetaeva in particular, since the interpretation of the poet's emigration lyrics causes significant difficulties.

Keywords: Russian diaspora, M.I. Tsvetaeva, the book "After Russia", poem "The Moon to a Sleepwalker", subject-image plan, disagreements in Russian speaking environment, emigration lyrics interpretation

Acknowledgments. The author expresses her gratitude to Nataliya Yu. Zheltova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department of Derzhavin Tambov State University, for participation in problem statement and scientific supervision.

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: A.A. Shatovkina – research concept, methodology design, material analysis and processing, investigation, research conclusion formulation, writing – original draft preparation, manuscript revision.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Shatovkina, A.A. Comprehension of the literary environment of Berlin and Prague in M.I. Tsvetaeva's poem "The Moon to a Sleepwalker": subject-image plan. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):307-319. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-307-319>

ВВЕДЕНИЕ

Историко-литературный феномен Русского зарубежья эпохи Серебряного века уже много лет находится под пристальным вниманием российских и зарубежных исследователей. В фокусе научных разработок оказываются не только забытые имена писателей-эмигрантов, их судьбы и творчество [1; 2], но осмысливаются и социально-исторические, и философские, и культурные аспекты феномена [3–7]. В жизни и деятельности русских диаспор активное участие принимали женщины – их вклад в русскую культуру также получает заслуженное признание [8; 9]. Не обойдено вниманием и наследие эмигрантов-библиофилов, любителей фольклорных артефактов, музыки, живописи, балета – возвращение на родину забытых имён и культурного достояния, изучение и хранение в отечественных и зарубежных научных центрах богатейшего архивного материала является главной задачей современных исследователей Русского зарубежья [10; 11].

Среди литературных имён, исследовательский интерес к которым не ослабевает уже много десятилетий, – Марина Ивановна Цветаева (1892–1941). Её имя в культурно-исторические страницы Русского зарубежья вписывается и творчеством, и жизнью. Установка художника на дневниковость: «Мои стихи – дневник, моя поэзия – поэзия собственных имён»¹ и неизменная датировка записей: «Хронология – ключ пониманию»² являют особенность поэтической индивидуальности, благодаря которой история и биография неразрывно связывается с динамикой творчества.

До появления в Берлине в мае 1922 г. Цветаева уже имела ряд публикаций: три книги до 1914 г. и четыре издания 1921–1922 гг. – «Вёрсты: Стихи», «Вёрсты: Стихи. Выпуск 1», «Конец Казановы: Драматический этюд», «Царь-девица: Поэма-сказка». К концу 1922 и в 1923 г. берлинскими издательствами выпускаются «Стихи к Блоку», «Разлука», «Психея. Романтика» и «Ремесло». Таким

образом, лирика, созданная поэтом ещё в Советской России, обретает прописку на Западе. На фоне исторических событий это не удивительно: падение монархии, революции, Первая мировая и гражданская войны изменили ход истории, рассеяв русских людей по континентам. Как и вся культура, русская литература разделилась на два лагеря – литературу метрополии и зарубежья.

В начале 1920-х гг. основными культурными центрами русскоязычной эмиграции были Берлин, Прага и Париж. Признание Германией Советской России и начало нэпа превратили литературную жизнь Берлина в диалог эмиграции и метрополии. Многолюдьем русского Берлина объясняется и обилие издательств, и Дом искусств по петербургскому образцу Дома литераторов. На страницах газет и журналов, на заседаниях различных литературных объединений и простых встречах в кафе обсуждалось литературное будущее. С выходом в Праге в 1921 г. сборника статей «Смена веков», а в Софии – «Утверждения евразийцев» диалог литератур перешёл в открытое противостояние. Жаркие споры диктовались не только проблемами внутренней междоусобицы. В работе «Кризис художественного сознания и его отражение в критике русского зарубежья» С.Р. Федякин справедливо замечает: «Особое своё состояние русское зарубежье уже в самом начале 20-х годов видело не только как следствие революционных событий в России. Изменения – причём необратимые изменения – произошли со всем миром. Эмиграция отзывалась на самые разнообразные попытки осмыслить кризис европейского сознания»³.

Оказавшись в эпицентре полемических «баталлий» и осваиваясь в русскоязычной среде Берлина, – выступления на творческих вечерах, общение со старыми и новыми знакомцами: поэтами, писателями, издателями, – Цветаева лишь внимательно прислушивается к разнообразным дискуссиям о языке, о смысле писательства, о сбережении русской

¹ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 230.

² Там же. С. 276.

³ Федякин С.Р. Кризис художественного сознания и его отражение в критике Русского зарубежья // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов: сб. науч. тр. Москва: Тип. ИНИОН РАН, 2005. С. 9.

культуры. Когда же дискредитируются, в её понимании, общечеловеческие, этические ценности, гневная и обоснованная реакция следует незамедлительно («Открытое письмо А.Н. Толстому»⁴). «После России» – очередная и последняя книга стихов, вобравшая берлинскую и пражскую лирику, будет опубликована только в 1928 г. во Франции. Однако уже в первом стихотворении, созданном 11 июня 1922 г. (месяц спустя после приезда в Берлин), Цветаева отметит «час жарких самоуправств безземельных братств»: бурную и произвольную, но главное – беспочвенную и разрозненную деятельность литераторов-эмигрантов.

Вместе с тем суету и кратковременность первого эмиграционного этапа – два с половиной месяца цветаевских странствий – нельзя связывать с общепринятой монохромностью Берлина, с его «серостью». Город преподнёс поэту «сказочный» подарок из России: письменный оклик Б.Л. Пастернака (1890–1960) и его книгу «Сестра моя – жизнь». О том, что в лице Пастернака Цветаева обретает творческого единомышленника и заочного собеседника, свидетельствует статья «Световой ливень» (о лирике Пастернака), написанная, буквально, «по горячему следу» 3–7 июля 1922 г., и длительная переписка – постоянная даже в случающейся прерывности. Живя в Чехии и не имея возможности встретиться с Пастернаком, приехавшим в Берлин на правах советского командированного (осень 1922 – весна 1923 гг.), Цветаева будет вести двойной диалог, подкрепляя эпистолярный художественным.

Безусловно, воздействие внешних факторов отразилось и на внутреннем состоянии художника: «невстреча» поэтов обретает черты судьбоносности, позволяя Цветаевой мифологизировать личность Пастернака и воспринимать в синкретическом единстве с его творчеством. Тем не менее, образ поэта, фигурирующий в лирическом и эпистолярном контексте, Цветаевой не равнозначен. Поэт расставляет акценты в зависимости от художественных задач и от заочных перекрёстных размышлений в письмах. Наглядным

примером синкретического взаимодействия представляется стихотворение «Луна – лунатику». Мотивы одиночества – человеческого и творческого, – переосмысливаются Цветаевой не только с позиции автора и лирического героя: в стихотворении слышны отголоски берлинских и пражских словесных «баталий», что, в конечном итоге, определило цель исследования.

Анализ стихотворения «Луна – лунатику» позволит выявить признаки творческих разногласий русскоязычных литераторов-эмигрантов, отразившиеся в художественном мировосприятии Цветаевой. Актуальной задачей исследования является обнаружение всеобъемлющих (во времени и пространстве) идей профессионального развития, благодаря которым противостояние русских литератур (метрополии и зарубежья) воспринимается поэтом как несущественное.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Привлечение историко-биографического контекста: переписки, дневников и записных книжек разных лет, лирики и прозы Цветаевой позволяют не только обнаружить следы идеологических расхождений в среде русскоязычных литераторов, но и представить размышления художника об особенностях творческого самовыражения (собственных и Пастернака), о путях дальнейшего и «должного» развития словесного творчества. Благодаря комплексному методологическому подходу: контекстному, сравнительно-сопоставительному, мотивному, семиотическому и семантико-стилистическому анализам, реализуется возможность проследовать за авторской мыслью и понять, что скрывается за лаконичным содержанием стихотворения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего, необходимо отметить, что чувство одиночества, переживаемое Цветаевой, обуславливалось не столько внешними, видимыми причинами. Культурная жизнь русской диаспоры: творческие вечера, семинары, знакомства с молодыми литераторами – расширяла круг общения. Одно время Цве-

⁴ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 217.

таева была редактором альманаха «Ковчег» – сборника Союза русских писателей и журналистов. Осведомлённость о литературных тенденциях и творчестве отдельных писателей, как и её общественная деятельность, не вызывает сомнений: «Авторитет Цветаевой в Праге был достаточно высок; она выступала наряду с членами правления Союза, и к её критике прислушивались»⁵. Нельзя не учитывать время создания стихотворения «Луна – лунатику» – 20 июня 1923 г., тогда как период цветаевского редакторства начнётся позже (с 1924 по 1926 г.).

Нищенское существование в чешских пригородах затрудняло даже поездки в Прагу, и Цветаева тяжело переживала «невстречу» с Пастернаком, жившем в Берлине почти до конца марта 1923 г. Между тем, цветаевское сожаление по поводу их формального общения в России с лихвой компенсируется восторженным откликом Пастернака на её книгу «Вёрсты»: Пастернак тогда ещё жил в Москве и своей «запоздавшей» реакцией положил начало эпистолярной дружбе. Уже в первом письме Цветаевой в Берлин (14 июня 1922 г.), обеспокоенный поисками поэтических путей и творческого развития, Пастернак замечал, что «почти не приходится восхищаться современниками», что их творчество – «только виды душевного довольства, удовлетворённости, почти что – *нравственные* оценки-признания душевной порядочности, – и только»⁶ (курсив Б. П.). Сравнивая лирику Цветаевой с «душевной солёногровой ванной», поэт, может и бессознательно, перефразирует «громокипящий кубок» чтимого ею Ф.И. Тютчева. Пастернак оказывается тем творческим единомышленником, встретить которого в литературных кругах Берлина Цветаева уже не рассчитывала – из ответного письма: «Здесь ни с кем не дружу, кроме Эренбургов, Белого и моего издателя Геликона»⁷.

⁵ Егорова К.Б. Марина Цветаева в Чехословакии (1922–1925): литературное окружение и творческие взаимосвязи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2012. С. 14.

⁶ Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Души начинают видеть: письма 1922–1936 гг. Москва: Вагриус, 2004. С. 12.

⁷ Там же. С. 16.

«Сестра моя – жизнь» (1922) – книга, присланная Пастернаком вслед за первым письмом, убеждает Цветаеву в общности художественного мировосприятия. Этому способствует и пастернаковский акцент в очередном письме (12 ноября 1922 г.): «Люблю правду жизни в том её виде, какой она на одно мгновение *естественно* принимает у самого жерла художественных форм, чтобы в следующее же в них исчезнуть»⁸ (курсив Б. П.). К сожалению, в «мгновенности» окажется и возможность встречи поэтов в Берлине, но в «жерле художественных форм» чешского периода «правда» не исчезнет. Поэт будет постоянно обращаться к теме творчества в объединённом с пастернаковскими размышлениями русле.

В письмах признавая Пастернака своим современником и современником Байрона, Пушкина, Лермонтова, Цветаева утверждает позиционную незыблемость мировосприятия, основанного на преемственности и переосмыслении романтического наследия. Уважение к романтикам проявляет и Пастернак, называя цветаевские «Вёрсты» «верстовой Суинберниадой»: «Если Вы его даже не знаете, моего кумира, – он дошёл до Вас через побочные влиянья, и ему *вольно в Вас...* как когда-то Байрону было вольно в Лермонтове, как Якобсену и России вольно в Рильке»⁹ (курсив Б. П.). Таким образом, можно предположить, что эпистолярный диалог поэтов о путях профессионального развития проявится и в стихотворении «Луна – лунатику».

Стихотворение примечательно субъектно-образным планом – ролевой образ «луна» синкретически объединяет образ автора и лирического героя на основе их пространственно-временного и эмоционального взаимодействия. Уже эллиптическая форма заголовка предполагает смысловую многозначность: концепцию развития и подобие объектно-субъектных образов. Так, являясь традиционным символом романтической поэзии, «луна (указывает) лунатику» основные ориентиры для успешного продвижения в намеченном русле. В то же время «луна (по-

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же. С. 11.

не влияет на осведомлённость луны об условиях земной жизни.

Учитывая, что луна давно «взяла на себя заботу об авторе», неопределённое обращение подразумевает двойную адресацию: герою-лунатику и лирическому «я» в образе лунатика. Как уже отмечалось, о вариативности сигнализирует и эллиптическая форма заголовка. Кроме того, синкретическую «нераздельность-неслиянность»¹⁶ можно дополнить замечанием Цветаевой того же, 1923, года: «Я охотно посылаю (отсылаю, ссылаю) свою душу в другие тела (на другие звёзды!), чтобы отсюда с ней же, или отсюда с собой же – беседовать»¹⁷. Т. е., пастернаковское «зову на луну» (словами А. Белого) и цветаевское «охотно посылаю», звучащие в данном случае в унисон, привлекаются к созданию образа «оплетавшие». В эпистолярно-лирическом сочетании интерпретация первой строфы выглядит следующим образом. Если оплетавшие «произвольно полемическими и театральными приподнятыми копьями» довольствуются фикцией: опасаются подняться над проблемой, ограничиваясь спорами, то ходящим «лунатическими дорогами» гибельно именно такое, приземлённое состояние.

Для того чтобы обнаружить сходство героя-лунатика с Пастернаком, необходимо обратиться к статье «Световой ливень», посвящённой книге «Сестра моя – жизнь». Написанная 3–7 июля 1922 г., она была опубликована в том же году в третьем декабрьском номере берлинской «Эпопеи». Являясь единственной владелицей книги из России и предваряя статью её выход в Берлине в 1923 г., Цветаева, можно сказать, освещает путь западному читателю к лирике советского поэта. Об этом она размышляет и на страницах статьи: «Пастернак, возьмите меня в поручители перед Западом – пока – до появления здесь Вашей “Жизни”. <...> И не потому, что

Вам это нужно, – из чистой корысти: дорого побывать в такой судьбе!»¹⁸.

Отстранившись от бурных и, согласно сложившемуся впечатлению, непродуктивных профессиональных полемик, Цветаева живёт воспоминаниями о погружении в творчески родственную «судьбу», отслеживая и фиксируя аспекты собственного и пастернаковского мировосприятия. Так, в напутствии луны: «В час последнего беспамьяства / Не очнись» дублируется характерная особенность творческого состояния Пастернака, отмеченная в статье: «Самозабвенный, себя не помнящий, он вдруг иногда просыпается... – И голосом заспанным – с чердачных своих высот во двор, детям: “Какое, милые, у нас / Тысячелетье на дворе?”»¹⁹. Если учесть, что одно из первых писем Пастернаку началось с признания: «Мой любимый вид общения – потусторонний: сон: видеть во сне. А второе – переписка. Письмо, как некий вид потустороннего общения»²⁰, а лирическая благодарность за присланную Пастернаком книгу имела первоначальный заголовок «Слова на сон» («Неподражаемо лжёт жизнь»), можно сказать, что «лунатическое» наитие Цветаева считала общим свойством художественного выражения.

Следующая строфа: «У лунатика и гения / Нет друзей. / В час последнего прозрения / Не прозрей» снова объединяет эпистолярные и лирические мысли Цветаевой. В письме она рассуждает развёрнуто и обстоятельно: «В Вашем творчестве больше Гения, чем поэта (гения, того, что над поэтом), поэт побеждён Гением, сдался ему на гнев и на милость, согласился быть глашатаем, отрешился. <...> Пастернак часто сам не знает, что ему диктует его Гений... пишет буквы, а потом – в прорыве ночного прозрения – на секунду осознаёт, чтоб утром забыть»²¹. В стихотворении происходит, своего рода, констатация факта: «заботливая» луна берёт под за-

¹⁶ Потенциально диалогическое существование одновременно двух самостоятельных личностных позиций, сразу и предполагающих, и отрицающих друг друга. См.: Бройтман С.Н. Лирика в историческом освещении // Теория литературы. Т. 3. Москва: ИМЛИ РАН, 2003. С. 438.

¹⁷ Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради. С. 130.

¹⁸ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Эллис Лак, 1994. Т. 5. С. 231-232.

¹⁹ Там же. С. 233.

²⁰ Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Души начинают видеть: письма 1922–1936 гг. С. 23.

²¹ Там же. С. 31-32.

шиту и автора-лунатика, и героя-гения – тако-го же лунатически отрешённого глашатая.

Необходимо отметить существенный момент. Неоднократный и безусловный фразовый повтор («В час последнего беспамятства / прозрения») – это представление творческого часа как смертного. Другими словами, поэт уверена, что во все времена литературная «правда жизни», то есть подлинная, искренняя литература, создаётся так, как будто в жизни писателя она была последней. Такое представление о творческой ответственности перед миром и Богом как предельная искренность превращает многочисленные споры о судьбе литературы в бесполезные и бесплодные мероприятия. В этой связи весомую смысловую нагрузку несёт оппозиция «беспамятство – прозрение». По сути, это полярные творческие состояния: можно писать интуитивно, подчиняясь наитию, но можно создавать и в ясно возникшем представлении – Цветаева не разграничивает способности писательского труда, для неё главное – наличие «правды жизни».

Принятие героем-лунатиком одиночества как «должного» формируется в очередной строфе: «Я – глаза твои. Совиное / Око крыш. / Будут звать тебя по имени – / Не слышь». В композиции стихотворения наблюдается резкая смена тональности: ставшие уже традиционными обращения луны к «неопределённым» лунатикам и гению интонационно фокусируются на личном и притяжательном местоимениях. Субъектно-образный синкретизм автора-луны и автора-лунатика обнаруживается в динамике образов: «я – глаза твои – совиное око крыш». На первый взгляд, луна спешит смягчить «правду жизни»: и в беспамятстве, и в прозрении чувство одиночества всегда воспринимается нелегко – она сочувствует, живя в нём. Тем не менее, дополнительная характеристика объектно-субъектного образа – «совиное око крыш» – усиливая впечатление, усложняет ситуацию. Символика совы многозначна: мудрость, знания, опыт. Кроме того, сова – атрибут луны, ночи, необъяснимых и сверхъестественных явлений. Широта ассоциаций связывает луну и сову, однако герою-лунатику «гарантируется» определённый на-

бор значений: одиночество (око) и высота в её множестве (крыши).

Для того чтобы понять, почему потребовалась дополнительная детализация глаз для героя-лунатика, необходимо вновь обратиться к статье и переписке поэтов. Книгу Пастернака открывает его графический портрет, выполненный в 1921 г. художником Ю. Анненковым, и в статье Цветаева уделяет ему внимание: «Внешнее осуществление Пастернака прекрасно: что-то в лице зараз и от араба и от его коня: настороженность, вслушивание. <...> Громадная, тоже конская, дикая и робкая роскость глаз. (Не глаз, а око.)»²². Следующий существенный акцент находится в письме Пастернака. Развивая тему о «правде жизни», он пытается объяснить возникновение своей одухотворённости: «Мне свойственно, по особенной моей односторонности, отождествлять с жизнью тот... огонёк, который начинает блуждать в её глазах, когда она задумывается о бессмертии, когда... она бросается к нему. Волнующе связанная наглядность жизни или, что то же, красота, есть не что иное, как именно этот выбор, с отчаяньем и отвагой произведённый ей»²³ (курсив Б. П.). Если объединить пастернаковский глаз-око (у Цветаевой) и волнующе связанную наглядность жизни (у Пастернака), лирическая мысль будет звучать так: автор-луна готова разделить одиночество героя-лунатика, потому что видит мир его глазами.

При этом возникает логическое несоответствие: «око» Пастернака – «конское», а не «совиное». Дело в том, что дополнительная характеристика глаз предназначается автору-лунатику, определяя его «лунатическую» специфику. Если Пастернак провозглашает «с чердачных высот» «наглядность жизни» зрительными образами, автор-лунатик делает это «совиным оком крыш» – специфическим слухом совы, позволяющим безошибочно ориентироваться в пространстве. При этом обнаруживается связь «чердачных высот» героя-лунатика и «око крыш» автора-лунатика: многочисленные и, как правило,

²² Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. С. 232.

²³ Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Души начинают видеть: письма 1922–1936 гг. С. 18.

круглые чердачные оконца зовутся слуховыми. В силу того, что автор-лунатик организует «наглядность жизни» с помощью слуха, автор-луна освобождает героя-лунатика от «настороженного вслушивания» в жизнь: «Будут звать тебя по имени – / Не расслышь».

Однако здесь прочитывается и дополнительный смысл: звать поэта по имени, знакомясь с его творчеством, могут не только читатели, но и критики (ср. фразеологизм «просклонять имя на все лады»). Поэтому автор даёт профессиональную рекомендацию в соответствии с пушкинскими строками стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»: «Хвалу и клевету приемли равнодушно, И не оспаривай глупца». Позже, в записях 1936 г., Цветаева вновь обратится к характерным особенностям их творческого миропонимания: «У Пастернака только одна забота: зрительная (то есть смысловая) точность эпитета. У меня вся эта забота множится на бессмысленную слуховую точность звука»²⁴.

Заключительная строфа: «Я – душа твоя: Урания: / В боги – дверь. / В час последнего слияния / Не проверь!» усиливает значимость общности мифологическим акцентом. Благодаря предыдущей информации с отрицательными императивами, все рекомендации уже находятся под контролем луны, поэтому и утверждаемое единодушие не должно подвергаться сомнению. Между тем, если посмотреть на композицию стихотворения: две строфы неопределённых обращений и две строфы с местоимениями «я – твой/твоя», рекомендации луны от общих «не очнись/не прозрей» стремятся к конкретным «не услышь/не проверь». На этом основании можно представить их более связанными с личными взаимоотношениями автора и героя.

Доказательством служит субъектно-образный синкретизм автора, являющегося, как и в третьей строфе, одновременно луной и лунатиком: «я – душа твоя: Урания – [Урания:] в боги – дверь». Поскольку Психея, фигурирующая в эмиграционной лирике Цве-

таевой как физическое олицетворение души, в этом случае не соответствует идейно-эстетическому замыслу автора – разнотранственному и разновременному взаимодействию героев и атмосфере высоких устремлений, – возникает «Урания». Поэтому, очевидно, Цветаева отвергает и один из вариантов: «(17 нов<ого> июня 1923 г.) В час последнего отчаянья. / В час последнего доверия. / На уста – печатью крайнюю. / Перст тебе кладу. – Эгерии / Вверься... (Впосл<едствии> Луна – лунатику)»²⁵.

Ценность сохранившегося черновика несомненна: можно представить ход авторской мысли (нимфа священного ручья, обладающая пророческим даром, ограничена земным пространством подобно Психее), и период «рождения» произведения (в книге стихотворение датировано 20-м июня). Образ «Урания» соответствует ситуации, отвечая нескольким требованиям. В мифологии этот эпитет сопровождает Афродиту, богиню любви: Афродита-Урания (небесная) представляется в смысле чистой, возвышенной любви. Благодаря неограниченному пространственно-временному континууму единство душ осуществляется в сфере идеалов и в творческом, и в жизненном планах. Согласно второму значению, Урания – муза астрономии, изображаемая с небесным глобусом и компасом в руках, поэтому она выполняет ещё одну функцию – «в боги – дверь».

Подобно «совиному оку крыш», образ «в боги – дверь» непосредственно связан с характерной особенностью автора-лунатика – высокопарный «слог» луны внезапно перебивается резким для слуха прозаизмом. Дверь – та «правда жизни», которая связывает героев, где бы они ни были. Другими словами, автор, «вооружившись» глобусом и компасом (земными предметами), служит герою-лунатику «дверью в боги» – пропуском к известности у русскоязычных читателей Запада, а в соответствии с мифологическим акцентом, – на вершину литературного Олимпа. Поэтому композиция стихотворения формируется из общих и частных рекомендаций луны.

²⁴ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. С. 606.

²⁵ Цветаева М.И. Незданное. Сводные тетради. С. 177-178.

Такое понимание подкрепляется мотивно-образными переключками из «Светового ливня». Вот очередное наблюдение Цветаевой: «Пастернак – это сплошное настежь: глаза, ноздри, уши, губы, руки. До него ничего не было. Все двери с петель: в Жизнь! <...> Молниеносный, – он для всех обременённых опытом небес. <...> Иногда он опрокинут: напор жизни за вдруг распахнутой дверью сильнее, чем его упорный лоб. Тогда он падает – блаженно – навзничь, более действенный в своей опрокинутости, нежели все задышающиеся в эту секунду... жокеи и курьеры от Поэзии.<...> И озарение: да просто любимец богов! И – озарение зорчайшее: да нет, – не просто, и не любимец! *Нелюбимец*, из тех юнцов, некогда громоздивших Пелион на Оссу»²⁶ (курсив М. Ц.). Объём цитаты обусловлен проявлением зоркости, мобильности и парадоксальности цветаевского мышления. Согласно мифам, гиганты хотели взгромоздить горы, чтобы достичь неба, но Зевс не позволил претендовать на место богов. Благодаря тому, что Пелион являлся обителью кентавров, уместной в статье оказывается и портретная характеристика Пастернака – «что-то от араба и от его коня».

Поговорка «громоздить Пелион на Оссу» примечательна противоположными смыслами: если в прямом значении она связывается с грандиозными свершениями, в ироничном плане это значит затрачивать огромную энергию на незначительное дело. По отношению к творчеству (не в творчестве!) Цветаева рассматривает иронию «без иронии» – в целостности, не противопоставляя значений. Не вступая в полемику о судьбе литературы, в статье она утверждает, что настоящая литература не бывает незначительной, и если возникает вопрос о её значении, то адресоваться он должен тем, кто создаёт такую литературу («жокеям и курьерам от Поэзии», тратящим силы впустую). Тесное взаимодействие мотивно-образных планов статьи и стихотворения свидетельствует о том, что желание Цветаевой раскрыть достоинства

поэзии Пастернака перед западными читателями совпадает с желанием автора утвердить героя на литературном Олимпе.

В этой связи нельзя не отметить, что акцент на прозаизме (боги – дверь) не случаен и служит ещё одним доказательством мировоззренческой общности Цветаевой и Пастернака. В статье, отмечая лексическое чутьё творческого единомышленника, Цветаева приходит к заключению: «Прозаизм Пастернака, кроме природной зоркости, это святой отпор Жизни – эстетству. <...> Он так же свободен от “обще-поэтических” лун-струн, как от “крайне-индивидуальных” зубочисток эстетства»²⁷. Вводя «дверь» в композицию с романтическим и возвышенным антуражем, Цветаева демонстрирует свой отпор эстетству. Дверь оказывается не только уместной, но даже необходимой: через неё в литературу попадает «правда жизни».

Сомнения в категоричном неприятии эстетства может вызвать образ «последнего слияния» – в некотором роде, претендент на «обще-поэтические луны-струны». Однако уже само заглавие является опровержением: пропуск знаменателя не предполагает «лёгкого чтения». Кроме того, луна, ни разу не упомянутая в тексте, оказывается не только объектом, но и субъектом – лирической героиней. В стихотворении нет места и «крайне-индивидуальным зубочисткам»: не рядовая, но традиционная ситуация (хождение во сне) воспроизводится в традиционно-романтическом ключе. Наконец, если рассматривать лирику «После России» как единый метасюжет, можно заметить, что поэт включает семантику заголовков в смысловое развитие не только отдельного произведения, но и книги в целом. Так, за стихотворением «Луна – лунатику» следует «Занавес» – лирическая авто-презентация создания и обнародования статьи о творчестве Пастернака [12]. Иначе говоря, после того, как «Луна (указывает) лунатику» путь и «дверь в боги», поднимается «Занавес», упраздняя границу между русскими литературами России и Запада.

²⁶ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. С. 234-235.

²⁷ Там же. С. 238-239.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая историко-литературный феномен Русского зарубежья на примере эмиграционного творчества Цветаевой – стихотворении «Луна – лунатику», можно сказать, что творческое самоутверждение поэта выходит за рамки узкого представления о национальной идентичности. Патриотизм поэта лишён социально-политической ангажированности и зиждется на синтезе русской и европейской культур, с преемственностью идей немецких, французских, английских романтиков. Поэтому процесс профессиональной ассимиляции поэта в русскоязычной среде Берлина и Праги связывается с разочарованием и отстранённостью от ведущихся полемик о дальнейших путях развития русской литературы. В стихотворении «Луна – лунатику» мотив жизненного и творческого одиночества декларируется как главенствующий и необходимый для профессионального совершенствования. Цветаева убеждена, что каждый писатель несёт ответственность, прежде всего, за качество собственной литературы. Создаётся ли она по наитию или просветлённым сознанием – не имеет значения. Если художник не будет обременять себя земными границами и временными условностями, если будет каждый раз писать так, как в последний – литература будет разнооб-

разна и бесспорна. Новизна и теоретическая значимость исследования состоит в комплексном аналитическом подходе с привлечением обширного материала: дневниковых записей разных лет, эпистолярного диалога с Пастернаком, статьи «Световой ливень». Благодаря мотивно-образным переключкам, охватывающим значительный временной период жизни и творчества, обнаруживаются индивидуальные особенности художественного мировосприятия Цветаевой и Пастернака и единство взглядов на проблему профессионального развития, отличное от полемической разногласности в среде литераторов-эмигрантов. Взаимосвязь объектно-субъектных образов реализуется на основе романтических, мифологических и семантико-стилистических акцентов, представляющих своей многозначностью смысловую вариативность, вследствие чего авторская концепция творческого развития объединяется с желанием автора утвердить героя на литературном Олимпе. Практическая значимость исследования состоит в представлении эмиграционного творчества Цветаевой не только в динамике конкретного стихотворения, но и его окружения: проникновение в произведение как в художественную мастерскую может существенно облегчить процесс интерпретации.

Список источников

1. Пекелис М.А., Антипов С.С. Герменевтика текстов берлинского затворника русской литературы Вадима Фаина // *Философская школа*. 2017. № 2. С. 8-28. <https://elibrary.ru/zqoadl>
2. Устинов А. «Зелёная шляпа» Петра Потёмкина и детская литература русской эмиграции // *Детские чтения*. 2020. Т. 18. № 2. С. 180-229. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-2-18-180-229>, <https://elibrary.ru/zepuop>
3. Пивовар Е.И. Российское зарубежье в новейшей отечественной историографии // *Исторические записки*. 2019. № 18 (136). С. 226-258. <https://elibrary.ru/qwfefhp>
4. Пивовар Е.И. Судьбы российской эмиграции «первой волны» в Чехословакии // *Чехословакия и Россия на обломках империи*. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2020. С. 69-76. <https://doi.org/10.31168/0442-8.05>, <https://elibrary.ru/hejinm>
5. Азаров Ю.А. Литературная эмиграция и «русская акция помощи» чехословацкого правительства // *Вестник Костромского государственного университета*. 2024. Т. 30. № 2. С. 101-107. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-101-107>, <https://elibrary.ru/iuwfjs>
6. Касьянов В.В. Душа культуры Русского зарубежья // *Общество: философия, история, культура*. 2012. № 1. С. 57-63. <https://elibrary.ru/otmudv>
7. Бжикцы И. *Ars memoriae – ars oblivionis* в поэзии «первой волны» русской эмиграции // *Вопросы литературы*. 2021. № 1. С. 79-98. <https://doi.org/425/0042-8795-2021-1-79-98>, <https://elibrary.ru/kmlvmx>

8. Баркова О.Н. Литературная и журналистская деятельность женщин русского зарубежья. 1917–1939 гг. // Клио. 2013. № 4 (76). С. 95-100. <https://elibrary.ru/pzfwj>
9. Баркова О.Н. «Не в изгнании, а в послании»: журналистская и литературная деятельность женщин русской эмиграции «первой послереволюционной волны». 1917–1939 гг. // История отечественных СМИ. 2016. № 1-2. С. 115-133. <https://elibrary.ru/ygsvhd>
10. Муromтцева Л.П. Наследие русской эмиграции: возвращение на родину // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 177-193. <https://elibrary.ru/zafnuv>
11. Шульгина Н.В. Сохранение и изучение эмигрантского книжного наследия в отечественных и зарубежных научных центрах: история и современность // Общество: философия, история, культура. 2017. № 2. С. 81-86. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.2.20>, <https://elibrary.ru/xxbhnr>
12. Шатовкина А.А., Желтова Н.Ю. «Занавес» М.И. Цветаевой как лирическая автопрезентация // Казанская наука. 2019. № 10. С. 38-41. <https://elibrary.ru/zvtlvv>

References

1. Pekelis M.A., Antipov S.S. Hermeneutics of texts by Vadim Fadin, a Berlin recluse of Russian literature. *Filosofskaya shkola = Philosophical School*, 2017, no. 2, pp. 8-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zqoadl>
2. Ustinov A. Piotr Potiomkin's "Green hat" and Russian émigré children's literature. *Detskie chteniya = Children's Readings: Studies in Children's Literature*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 180-229. (In Russ.) <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-2-18-180-229>, <https://elibrary.ru/zepuop>
3. Pivovarov E.I. Russian foreign community in the latest national historiography. *Istoricheskie zapiski*, 2019, no. 18 (136), pp. 226-258. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwfep>
4. Pivovarov E.I. The destinies of the Russian emigrants of the "first wave" in Czechoslovakia. In: *Czechoslovakia and Soviet Russia on the Wreckage of Empires*. Moscow, Institute for Slavic Studies of the RAS Publ., 2020, pp. 69-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/0442-8.05>, <https://elibrary.ru/hejinm>
5. Azarov Yu.A. Russian émigré literature and the "Russian help action" of the Czechoslovak government. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 2, pp. 101-107. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-101-107>, <https://elibrary.ru/iuwfjs>
6. Kasyanov V.V. The spirit of Russian emigre culture. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2012, no. 1, pp. 57-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/otmudv>
7. Bzhiktsy I. Ars memoriae – ars oblivionis in the poetry of the "first wave" Russian emigrants. *Voprosy literatury*, 2021, no. 1, pp. 79-98. (In Russ.) <https://doi.org/425/0042-8795-2021-1-79-98>, <https://elibrary.ru/kmlvmx>
8. Barkova O.N. Literary and journalistic activities of women of the Russian diaspora in 1917–1939. *Klio*, 2013, no. 4 (76), pp. 95-100. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pzfwj>
9. Barkova O.N. "Not in exile, but in a message": journalistic and literary activities of women of the Russian emigration of the "first post-revolutionary wave". 1917–1939. *Istoriya otechestvennykh SMI*, 2016, no. 1-2, pp. 115-133. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ygsvhd>
10. Muromtseva L.P. The heritage of Russian emigration: return to motherland. *Rossiya i sovremennyyi mir = Russia and the Contemporary World*, 2017, no. 2 (95), pp. 177-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zafnuv>
11. Shulgina N.V. Preserving and studying of emigrant book heritage in domestic and foreign scientific centers: history and modernity. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2017, no. 2, pp. 81-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/fik.2017.2.20>, <https://elibrary.ru/xxbhnr>
12. Shatovkina A.A., Zheltova N.Yu. "Curtain" by M.I. Tsvetaeva as lyrical auto presentation. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2019, no. 10, pp. 38-41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zvtlvv>

Информация об авторе

ШАТОВКИНА Алла Алексеевна, научный сотрудник Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7976-3822>, stary_cherdak@inbox.ru

Поступила в редакцию 15.01.2025

Поступила после доработки и рецензирования 31.03.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Alla A. Shatovkina, Research Scholar of International Scientific Center for the Study of E.I. Zamyatin Creative Heritage, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7976-3822>, stary_cherdak@inbox.ru

Received 15.01.2025

Approved after reviewing and revision 31.03.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.